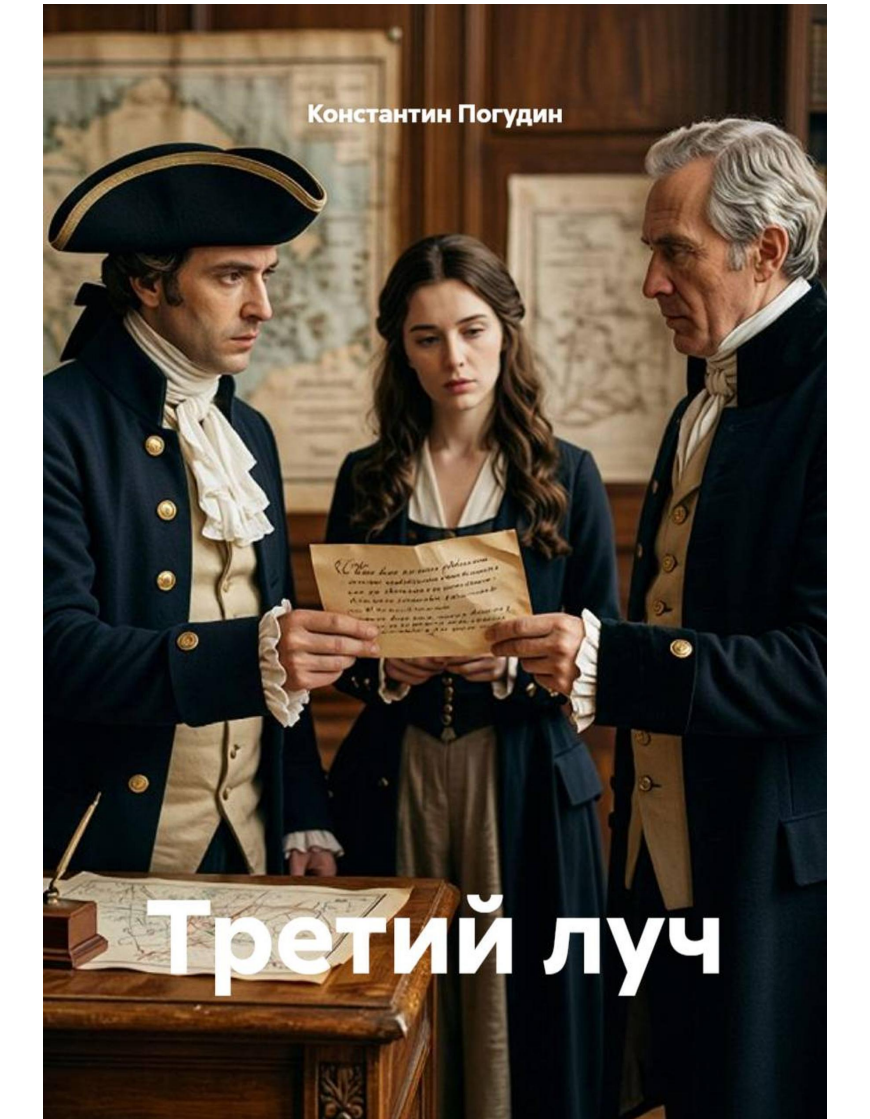

A movie poster for the film 'The Third Light' (Третий луч). It features three main characters in 18th-century attire. On the left, a man in a dark blue coat with gold buttons and a white cravat, wearing a black bicorne hat, looks intently at a piece of paper. In the center, a young woman with long brown hair, wearing a dark blue dress over a white blouse, looks down at the same paper. On the right, an older man with white hair, wearing a dark blue coat and a white cravat, also looks at the paper. They are standing in a room with wooden paneling and a map on the wall. In the foreground, a wooden desk holds a quill pen and an open book. The title 'Третий луч' is written in large white letters at the bottom, and the name 'Константин Погудин' is at the top.

Константин Погудин

Третий луч

Константин Погудин

Третий луч

<https://litres.ru/74596293>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение романа «Меридиан одиннадцати». 1729 год. Из Лимы в Париж приходит зашифрованное письмо: картограф Эрнандо Вальдес предупреждает, что испанский адмирал дон Альваро де Сальседо идёт к третьей станции Сети Одиннадцати с приказом короля: найти, захватить, запечатать или уничтожить. Огюстен Мерсье, капитан Элеонор Блэквуд и её отец Эдмунд, которому осталось немного, выходят в плавание вокруг мыса Горн.

В трюме прячется дочь Вальдеса, в океане их спасает штурман-полинезийка, читающая море по зыби, а на атолле они находят умирающего лорда Крэя, которого давно считали врагом. Третий Дом стоит в кратере вулкана и хранится народом, который сберёт не таблицы, а песню. Чтобы открыть его, нужны голоса сразу нескольких домов.

Продолжение серии о тайной сети древних обсерваторий: классические морские приключения в духе Жюль Верна о памяти, которая передаётся не камнем, а голосом, и о страхе, который побеждает знание.

Содержание

Глава первая. Письмо из Лимы	4
Глава вторая. Мыс Горн	12
Глава третья. Сальседо	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Константин Погудин

Третий луч

Глава первая. Письмо из Лимы

Письмо из Лимы

Письмо пришло в апреле тысяча семьсот двадцать девятого года, в день, когда в Париже впервые зацвели каштаны, и Огюстен Мерсье сначала принял его за счёт от переплётчика.

Оно лежало на подносе у привратника, среди прочей почты: серый конверт без печати, помятый, пахнущий дымом и чем-то горьким, похожим на сушёные травы. Адрес был выведен незнакомой рукой, по-французски, с испанскими росчерками: «Господину Мерсье, хранителю кабинета естественной истории при Королевском саду. Лично и без промедления».

Мерсье вскрыл его за столом, не снимая плаща. Внутри лежал лист плотной бумаги, исписанный с обеих сторон, но не словами, а столбцами чисел. Они шли ровными колонками, и в конце каждой стоял знак, который Мерсье знал лучше собственной подписи: маленький кружок.

Он положил письмо на стол и некоторое время смотрел на него, не прикасаясь.

Полчаса спустя в кабинете собрались все, кого Мерсье успел найти.

Блэквуд приехала из Гавра, где готовила «Ласточку» к новому плаванью, и сидела у камина в дорожном плаще, не снимая перчаток. Эдмунд, которому недавно исполнилось шестьдесят шесть, расположился в кресле с высокой спинкой, положив на колени плед, который ему подсунула заботливая хозяйка дома. Он делал вид, что плед ему не нужен.

Кремье, склонившийся над письмом с лупой, по привычке касался пером подбородка. А у окна стоял де Мело, приехавший в Париж по поручению Ордена и остановившийся у иезуитов на улице Сен-Антуан. Брат его, Андре, уже год как был свободен и служил в Гоа писцом при коллегии, но иезуит по-прежнему носил на шее маленькую латунную крышку с одиннадцатью лучами, подарок Мерсье на память.

— Это не просто числа, — сказал Кремье, не поднимая головы. — Это шифр. Но странный. Смотрите: каждый столбец кончается кружком, а кружок стоит не там, где положено. Он сдвинут.

— Как в тех таблицах, — сказал Мерсье.

— Именно так. Тот, кто писал, знал про ошибку переноса. И решил использовать её против тех, кто не знает.

Де Мело отошёл от окна и склонился над листом рядом с картографом. Он водил пальцем по строкам, шевеля губами, как делал всегда, когда считал. Прошло четверть часа. Потом иезуит выпрямился и сказал:

— Это письмо на испанском. Зашифровано одиннадцатеричной системой. Я переведу.

Он взял перо и начал писать, а они ждали. Потом прочёл вслух, медленно, стараясь передать интонации:

«Господин Мерсье. Мы не знакомы. Моё имя Эрнандо Вальдес, я картограф канцелярии вице-короля Перу в Лиме. Я пишу это письмо ночью, при закрытых дверях, и отправляю его с купцом, которому доверяю больше, чем вице-коро-

лю.

Три месяца назад в Лиму прибыл том ваших таблиц, переплетённый в красную кожу, с тиснением в виде короны. Его привезли из Мадрида по личному приказу короля. С ним приехал адмирал дон Альваро де Сальседо, человек, которого я бы не хотел назвать вам врагом и не могу назвать иначе.

Адмирал показал мне вашу работу. Я прочёл её и понял, что вы нашли способ читать язык, на котором написана половина мира. Я понял также, что у вас есть вторая часть тайны: маршруты станций, места которых не опубликованы. Адмирал это тоже понял.

Он приказал мне расшифровать. Я сделал это, потому что у меня есть дочь, и потому что у него есть люди, умеющие убеждать. Я нашёл вторую станцию, которую вы уже посетили. Нашёл третью. Она лежит в Южном море, в семи тысячах лье от вашего Парижа, там, где на наших картах стоит надпись "Terra incognita".

Адмирал собирает два корабля и уходит в плавание. Меня он берёт с собой. Я пишу вам не из дружбы и не из корысти, а потому что видел его глаза, когда он читал вашу книгу. Он не ищет знания. Он собирается закрыть станции. Мадрид боится, что открытые таблицы разрушат монополию Испании на навигацию в Южном море. Приказ короля: найти, захватить, запечатать. Или уничтожить.

Если вы поспеете, помешайте ему. Если нет, помните, что я пытался.

Эрнандо Вальдес.

P.S. Мою дочь зовут Инес, ей пятнадцать лет. Я отправил её в Европу с тем же купцом, чтобы адмирал не мог ею воспользоваться. Она будет в Париже у сестёр-урсулинок на улице Сен-Жак. Если со мной что-то случится, прошу вас не оставлять её одну».

Де Мело замолчал. В кабинете стало очень тихо. Где-то на улице пролаяла собака, и сквозь окно донёсся запах цветущих каштанов.

— Когда он ушёл? — спросила Блэквуд.

— Письмо отправлено два месяца назад, — ответил Кремье, разглядывая штемпель. — Из Лимы до Парижа в такое время года шесть, самое быстрое семь недель. Значит, адмирал вышел из Кальяо не позже конца февраля.

— То есть он уже в океане.

— Давно.

Эдмунд, молчавший до сих пор, медленно поднялся, опираясь на подлокотники. Мерсье видел, как он побледнел, как у него дрогнули пальцы.

— Они нашли третью станцию, — сказал старик.

— Нашли, — подтвердил Мерсье.

— И собираются её закрыть.

— Или разрушить.

Эдмунд поднял на него глаза. В них не было ни страха, ни растерянности, только упорная, спокойная решимость человека, который давно знает, что должен сделать.

— Тогда мы идём.

Блэквуд возражала.

Она сделала это тихо, но твёрдо, отведя отца в угол кабинета, где никто не мог слышать. Мерсье всё равно слышал, потому что в маленькой комнате трудно не слышать.

— Отец, это путешествие в семь тысяч лье. Вокруг мыса Горн. Ты не вынесешь.

— Вынесу.

— Ты двенадцать лет прожил под землёй. Тебе шестьдесят шесть. Врач сказал...

— Врач сказал, что у меня слабое сердце и что мне следует отдыхать. — Эдмунд говорил без раздражения, почти ласково. — Элеонор, я провёл одиннадцать лет, ожидая завершения цикла. Я не отдыхал ни одного дня. И знаешь, что я понял?

— Что?

— Что отдых для человека моего склада это не покой, а ожидание. Я устал ждать. Я хочу увидеть третью станцию. Хочу собственными глазами проверить то, что вы с Огюстеном нашли в таблицах. — Он положил руку ей на плечо. — Мне осталось немного. Позволь мне потратить это время так, как я хочу.

Блэквуд долго молчала. Мерсье видел, как она борется с собой: как сжимает губы, как отводит глаза, как медленно разжимает пальцы.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Но на борту ты

будешь делать то, что скажет врач.

— Какой врач?

— Тот, которого я найму.

Эдмунд засмеялся.

— Договорились.

Через две недели, в Гавре, на борту «Сент-Клэр» шли последние приготовления.

Мерсье стоял на причале рядом с Финчем и смотрел, как грузят ящики. Мальчик (теперь, конечно, молодой человек девятнадцати лет, высокий, загорелый, с новыми морщинками у глаз) держал в руке список и сверял его с подписями на ящиках.

— Сто двадцать бочек воды, — бормотал он. — Двадцать бочек вина, пятнадцать сухарей, шесть ящиков с барометрами... Сударь, а где де Мело?

— Задержался в Париже. Дочь Вальдеса, Инес, вчера ночью ушла из монастыря, и он до сих пор её ищет. Сёстры говорят, что она не раз просила отправить её обратно в Лиму.

— Она одна? В Париже?

— Надеюсь, что ей хватит ума не делать глупостей.

Дюпон, который отказывался уходить в отставку и настаивал на том, чтобы вести «Сент-Клэр» «в последний раз», стоял на корме, как всегда, прямой и неподвижный. Он поймал взгляд Мерсье, коротко кивнул и вернулся к бумагам.

Амара должна была присоединиться в Кадисе. Бонвиль писал, что догонит их у Канарских островов, «если, душа

моя, не встречу по дороге чего-нибудь более прибыльного». Кремье уже сидел в каюте над картами, и свет его лампы горел до самой ночи.

Мерсье осмотрел причал. Закат золотил мачты, в воздухе кричали чайки, и от воды тянуло прохладой и солью.

— Огюстен, — тихо сказал Финч.

— Да?

— Вам не страшно?

Мерсье подумал.

— Страшно, — признался он. — Ничуть не меньше, чем в первый раз. Но теперь я хотя бы знаю, что страх проходит.

— А если не проходит?

— Тогда идёшь вместе с ним.

Он замолчал. Финч улыбнулся и отвернулся к списку.

А в трюме «Сент-Клэр», в самом дальнем углу, между ящиками с барометрами и бочками с сухарями, кто-то осторожно отодвинул крышку маленького люка и прислушался к шагам над головой. Потом снова закрыл его и затаился, прижав колени к груди.

Это был не крыса. Крыса не дышала бы так тихо.

Глава вторая. Мыс Горн

Мыс Горн

В Кадисе к ним присоединилась Амара, а на Тенерифе, как и обещал, появился Бонвиль, на новом шлюпе, в новой шляпе, с новой серьгой и с таким видом, будто вовсе не отставал, а просто задержался по важному делу. «Королева

Бурбона» встала рядом с «Ласточкой», и весь вечер с борта доносился такой хохот, что Дюпон, не любивший шума, дважды выходил на палубу и возвращался хмурым.

Шесть месяцев ушло на то, чтобы пересечь Атлантику, пройти вдоль берегов Бразилии и подняться к пятидесяти пяти градусам южной широты. Мерсье вёл журнал, Кремье чертил карты, де Мело, нагнавший экспедицию в Кадисе с пустыми руками и красными от бессонницы глазами («Инес не нашли, а настоятельница сказала, что надеется на милость Божию»), по ночам определял долготу по спутникам Юпитера. Эдмунд большую часть времени проводил в каюте под присмотром судового врача, молодого бретонца по имени Керрек, который, как оказалось, обожал спорить с пациентами о древних мореходах. Блэквуд ходила мрачнее тучи и никому не говорила, о чём думает.

Мыс Горн они увидели в конце ноября, на закате.

Он вставал из моря чёрной стеной, обрубленной сверху, как топором. Над ним клубились облака цвета свинца, а у подножия, где вода билась о скалы, вздымались белые столбы пены высотой в десять человеческих ростов. Альбатросы, огромные, с размахом крыльев в три сажени, парили над водой неподвижно, как будто их приколотили к небу. Было холодно. Не по-парижски, мокро-сыро, а по-настоящему, до костей, холодно ветром, который шёл с юга, из того места, где кончаются карты.

— Самое страшное море на земле, — сказал Дюпон, стоя у

штурвала в шерстяной шапке и двух плащах. — Я проходил его дважды и не хочу в третий.

— Тогда зачем вы здесь, капитан? — спросил Мерсье.

— Потому что я обещал себе дойти до конца. — Дюпон не повернул головы. — И потому что вы без меня сломаете шею.

Шторм начался ночью.

Он пришёл не как тропический: с гулом, с тучами, с предупреждением. Он пришёл с тишины, которая длилась пять минут, а потом на «Сент-Клэр» обрушилась стена воды. Мерсье, спавший в каюте, вылетел с койки на пол, ударился о стол, вскочил, и тут же судно легло на борт так круто, что вся мебель съехала в угол. Он выбрался на палубу, цепляясь за переборки, и увидел то, что описать нельзя.

Волны были высотой с собор. Они шли одна за другой, гладкие, серые, с белыми гребнями, и каждая казалась последней. «Сент-Клэр» взбирался на склон, зависал на гребне и скатывался в провал, где было почти тихо, а потом снова начинался подъём. Ветер рвал паруса, выл в такелаже, швырял в лица ледяную водяную пыль. Матросы, привязанные к фальшборту, работали молча, как автоматы. Фок-мачта трещала, и в какой-то момент Мерсье услышал, как наверху хлопнуло, будто выстрелили из пушки.

— Брам-стенга! — закричал кто-то.

Обломок рея с рёвом сорвался вниз и ударил в палубу в двух шагах от Мерсье. Он отскочил, поскользнулся, упал.

Чья-то рука подхватила его за шиворот и поставила на ноги. Это был Гаспар. Старик стоял, широко расставив ноги, как скала, с лицом, мокрым и спокойным.

— В трюм, сударь! — крикнул он. — Там что-то не так! В трюме было темно и страшно.

Мерсье спустился по трапу за Гаспаром, держа фонарь над головой. Здесь, в чреве корабля, шторм звучал иначе: глухо, мерно, как удары огромного молота по железной стене. Ящики скрипели, бочки перекачивались, и откуда-то из мрака слышался звук, который он не сразу узнал: человеческий стон.

— Финч! — крикнул Мерсье.

Он увидел его в десяти шагах. Юноша лежал на полу между двумя штабелями ящиков, придавленный огромным бочонком, который при ударе волны сорвался с креплений и прижал ему ногу. Лицо у него было белое, зубы стиснуты. Он пытался сдвинуть бочонок, но тот весил не меньше четырёх пудов.

Мерсье бросился к нему. Вдвоём с Гаспаром они упёрлись в бочонок, но тот только качнулся. Ящики над ними скрипели, грозя обрушиться.

— Рычаг, — прохрипел Финч. — Нужен рычаг.

— Какой рычаг? Тут ничего нет!

— Вот.

Голос раздался из темноты, высокий и неожиданно твёрдый. Из-за штабеля выскользнула тонкая фигура в огром-

ной матросской куртке, перетянутой верёвкой. Мерсье успел разглядеть мокрые чёрные волосы, перехваченные лентой, острый подбородок и огромные тёмные глаза, горевшие на бледном лице. В руках незнакомец держал длинную дубовую слегу.

— Подсуньте под бочку! — скомандовал он. — Вот сюда, под угол! Упритесь в ящик!

Мерсье не думал. Он схватил слегу, подвёл конец под бочонок, упёр другой в соседний ящик. Гаспар навалился на свободный край. Раздался скрип, потом хруст, и бочонок, поддавшись, чуть приподнялся.

— Тяните его!

Финч рванул ногу и выкатился из-под бочонка. Тот грохнул обратно на пол, но Гаспар уже заклинил его двумя клиньями.

Наступила секунда тишины, нарушаемая только воем шторма. Мерсье перевёл дыхание, посмотрел на неожиданного спасителя и вдруг понял, что видит перед собой не мальчика, а девочку лет пятнадцати, в чужой куртке, с испачканным сажей лицом и упрямо вздёрнутым подбородком.

— Кто вы? — спросил он.

— Инес Вальдес, — ответила она по-французски, с сильным испанским акцентом. — Дочь Эрнандо Вальдеса, картографа из Лимы. Простите, что я так появилась. Я не планировала.

Гаспар крякнул и отвёл глаза.

Потом выяснилось, что Гаспар знал всё с самого начала.

Он признался на следующее утро, когда шторм утих и над Горном взошло бледное, ледяное солнце. Старик сидел на бочке на палубе, мял в руках трубку и смотрел в воду.

— Я нашёл её через два дня после Гавра, — сказал он. — Она сидела в углу, без воды. Замёрзшая, голодная. Я принёс ей хлеба и одеяло. Потом приносил каждый день.

— Почему вы не сказали? — спросила Блэквуд. Она стояла перед ним со скрещёнными руками, и в голосе её звучала сталь.

— Она попросила не говорить. И я согласился. — Гаспар поднял голову. — Я двенадцать лет молчал о вашем отце, капитан. Научился хранить чужие секреты.

Блэквуд хотела что-то сказать, но промолчала. Мерсье видел, как она борется с собой: сердиться на старика она не могла, а на девчонку, пожалуй, не хотела.

Инес сидела на бухте каната рядом, закутанная в сухое одеяло, и пила горячий отвар, который принёс Финч. Нога у юноши была перевязана, он хромал, но держался бодро, и ни на шаг не отходил от неё.

— Мне пятнадцать, — сказала Инес, не дожидаясь вопросов. — Я не ребёнок. Мой отец у них. Он в плену, на борту флагмана, и его заставляют читать ваши таблицы. Если вы хотите знать, где адмирал, я могу сказать.

Все замолчали.

— Откуда ты знаешь? — спросил Мерсье. Он сам удивил-

ся, как естественно перешёл на «ты».

— Отец успел мне рассказать. — Она достала из-за пазухи сложенный листок и протянула ему. — Перед тем как нас разлучили. Мы условились, что если он попадёт в беду, я пойду за вами. Не по почте, нет. Лично.

Мерсье развернул листок. Там был план, нарисованный быстрой рукой: береговая линия Чили, остров, подписанный как «Мас-а-Тьерра», и стрелка, ведущая от него на запад.

— Он остановится у Хуан-Фернандеса, — тихо сказала Инес. — Пополнит воду. Дождётся второй корабль с порохом. Это займёт ещё три недели. Потом пойдёт на запад.

— Три тысячи лье, — пробормотал Кремье, подошедший сзади и заглянувший в листок. — Через пустой океан.

— Да. Отец говорил, что Сальседо идёт по вашим таблицам. По той части, которую вы напечатали. Но он думает, что вы ошибаетесь.

— Ошибаемся?

— Он уверен, что вы всё проверили слишком хорошо. — Инес слабо улыбнулась. — Он ищет подвох. Говорит: «Если эти люди так честны, значит, они что-то скрывают».

Блэквуд коротко засмеялась.

— Умный человек.

— Очень, — сказала Инес. — Поэтому и опасный.

К полудню шторм остался позади, и «Сент-Клэр», обогнув мыс, вошёл в тихие воды Тихого океана.

Тихого, подумал Мерсье, стоя на корме и глядя на тяжё-

люю зыбь, идущую с запада. Название казалось насмешкой: после того, что они пережили, любая вода должна быть тихой. Но здесь было что-то другое: простор, гигантский, пустой, уходящий за горизонт, и такая глубина неба, что у него закружилась голова.

Рядом стоял де Мело, глядя на карту, разложенную на планшире.

— Мы идём на север вдоль берега, — сказал он. — Сорок лье до Вальпараисо. Там воды, провизии и новостей. Но и там, я подозреваю, нас уже ждут.

— Сальседо?

— Не он сам. Его люди. У адмирала повсюду глаза.

Блэквуд подошла и встала рядом, накинув плащ на плечи. Лицо её было усталым, но решительным.

— Огюстен, — сказала она. — Мы не можем обойти Вальпараисо?

— Не можем. У нас кончается вода.

— Значит, придётся идти туда.

— Придётся.

Она посмотрела на берег, далёкий, зубчатый, окутанный облаками. Потом на Инес, сидевшую на корме рядом с Финчем и что-то быстро объяснявшую ему, чертя пальцем по доскам палубы.

— Эта девочка, — сказала Блэквуд тихо. — Она храбрее, чем я была в её годы.

— Она напоминает мне кого-то, — отозвался Мерсье.

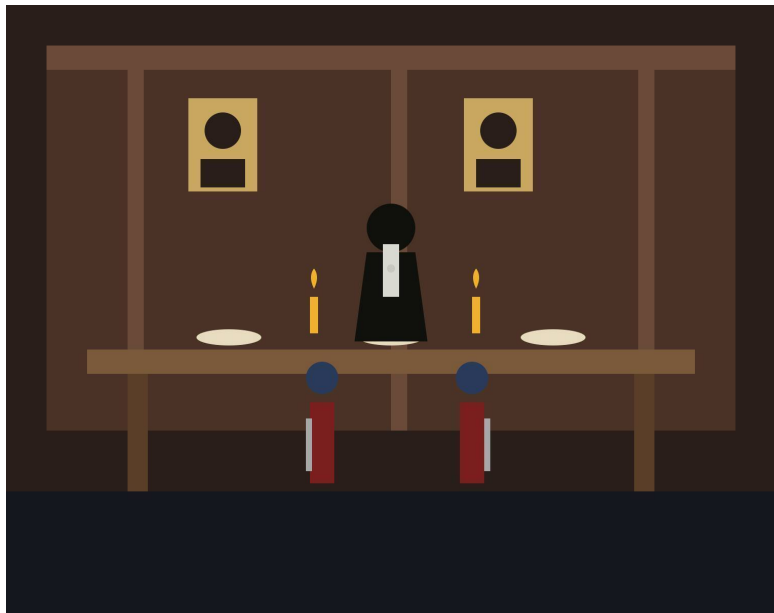
— Кого?

Он улыбнулся.

— Вас.

Блэквуд повернулась к нему, хотела что-то сказать, но вместо этого только качнула головой и отвернулась. На её щеке, над тонким шрамом, мелькнул румянец, и Мерсье счёл за лучшее смотреть на воду.

Глава третья. Сальседо

Обед у губернатора

Вальпараисо встретил их запахом рыбы и дыма.

Город лежал в подкове холмов, на берегу широкой бухты, и казался с воды набором разноцветных кубиков: белые стены, красные крыши, жёлтые церковные колокольни. У при-

чалов теснились суда, от бочек и мешков поднимался пар, и над всем этим стоял гул шумного портового города, где говорят на трёх языках одновременно. «Сент-Клэр» и «Ласточка» бросили якорь на внешнем рейде, а «Королева Бурбона» осталась мористее, за линией береговых батарей: Бонвиль, как он выразился, не любил, когда его пересчитывают.

Порт-капитан, пожилой испанец с усталым лицом, явился на борт через час. Он вежливо проверил бумаги, осведомился о цели визита, выслушал рассказ о научной экспедиции Королевского сада и поклонился.

— Сеньоры, — сказал он, — в вашем распоряжении вода, провизия и наша скромная гостеприимность. Губернатор дон Хосе де Ларраин почтёт за честь принять вас сегодня вечером. Он очень интересуется новостями из Парижа.

Блэквуд, стоявшая у борта, переглянулась с Мерсье.

— Он знает, что мы здесь, — сказала она тихо, когда капитан ушёл.

— Знает с того дня, как мы вошли в бухту.

— Тогда идти нельзя.

— Нельзя не идти. — Мерсье посмотрел на берег. — Если мы откажемся, мы покажем, что боимся. Если пойдём, узнаем, что им известно.

Де Мело, который стоял неподалёку, коротко кашлянул.

— Позвольте добавить. Испанцы чтут гостеприимство. На обеде нас не посмеют тронуть. Они дождутся, пока мы уйдём.

— Вы уверены?

— Я прожил двадцать лет среди португальцев, — ответил иезуит. — Это почти одно и то же.

Обед состоялся в губернаторском доме, на вершине холма, в большом зале с чёрными дубовыми балками и портретами королей на стенах.

Мерсье пришёл в чёрном камзоле, который жал ему в плечах, с кружевными манжетами и тяжёлой шпагой, которой не умел пользоваться. Блэквуд надела платье, первое за много лет, тёмно-синее, простого кроя, и выглядела в нём так, словно его на неё надели против воли. За ними шли де Мело, Финч и худенький паж в бархатном берете и чересчур просторном камзоле, который старательно смотрел в пол. Только Мерсье знал, что паж на самом деле Инес.

Губернатор оказался круглым, лысеющим человеком с громким голосом и неподвижными глазами. Он встретил гостей у дверей, представил жену, дочерей, местного епископа, двух офицеров гарнизона. Потом хлопнул в ладоши, и слуги внесли блюда с рыбой, мясом и фруктами.

— А теперь, — сказал он, улыбаясь, — позвольте представить моего друга. Он только сегодня утром прибыл из Хуан-Фернандеса.

Из тени у камина вышел человек.

Он был высок и сух, лет пятидесяти пяти, в чёрном камзоле без украшений, с белым воротником и маленьким серебряным распятием на груди. Лицо у него было узкое, смуглое,

с высоким лбом и впалыми щеками, как на портретах святых кисти Эль Греко. Глаза, тёмные и очень спокойные, смотрели на Мерсье так, как смотрят на редкую и ценную вещь.

— Господин Мерсье, — сказал он по-французски, тихо, правильно, без акцента. — Дон Альваро де Сальседо к вашим услугам. Я читал вашу книгу трижды.

* * *

Они сели за стол, и Мерсье потом много раз вспоминал этот вечер. Не потому что было страшно (страха он почти не чувствовал), а потому что дон Альваро оказался совсем не таким, каким его рисовало воображение.

Он не угрожал. Не хитрил. Не играл. Он ел умеренно, пил воду, говорил мало, и каждое слово его было взвешенным и точным. Он расспрашивал Мерсье о методе перевода знаков, о системе счёта, о приливных таблицах, и вопросы его были умнее вопросов многих парижских академиков.

— Вы знаете, сколько кораблей ежегодно ходит по Тихому океану? — спросил он вдруг.

— Нет, дон Альваро.

— Один. Манильский галеон. Раз в год, в течение двух столетий. Он везёт серебро из Мексики в Азию и шёлк обратно. Маршрут его известен нескольким десяткам человек, и это знание хранится как святыня. — Он положил нож и вилку. — Потеряй мы маршрут, мы потеряем империю. Вы понимаете?

— Понимаю.

— Вы напечатали таблицы. Любой штурман теперь может определить своё положение. Любой пират, любой голландец, любой англичанин. — Голос его не повысился ни на тон. — Вы сделали то, что считаете добром. Но добро, лишённое меры, превращается в разрушение. Я видел это. Мой старший сын погиб в войне за наследство. Он убит из-за карты, которая попала в чужие руки.

В зале стало тихо. Даже губернатор перестал жевать.

— Мне жаль, — сказал Мерсье искренне.

— Не нужно. — Сальседо чуть наклонил голову. — Я говорю не ради сочувствия. Я говорю потому, что хочу, чтобы вы поняли. Я не злодей. Я человек, который боится, что мир, где знание принадлежит всем, не сможет удержаться от хаоса.

— Знание не причина хаоса, дон Альваро, — сказал Мерсье. — Хаос в людях, а не в таблицах.

— Возможно. — Адмирал тонко улыбнулся. — Поэтому мне нужны вы. Присоединяйтесь ко мне. Я могу предложить место при дворе в Мадриде, жалованье, лабораторию, доступ ко всем станциям. Взамен мне нужно только одно: чтобы это знание принадлежало короне. И никому другому.

— А если откажусь?

Сальседо посмотрел на него долго.

— Тогда вы мои гости до утра.

Слова ещё не успели смолкнуть, как двери зала открылись.

Вошли шестеро солдат в синих мундирах с мушкетами на плечах. Они встали у стен, неподвижные, как статуи. Губернатор, побледнев, отвёл глаза. Епископ перекрестился.

— Вы арестованы? — спросила Блэквуд ровным голосом.

— Нет, сеньора. Гостеприимство священо. — Дон Альваро поднялся. — Вы все останетесь на ночь в этом доме. Комнаты приготовлены. Утром мы продолжим разговор.

— Мои люди на кораблях...

— Они тоже наши гости. Порт закрыт с наступления темноты. Утром вы сможете вернуться на борт.

Блэквуд опустила руки. Мерсье видел, как у неё побелели пальцы. Де Мело закрыл глаза, и губы его беззвучно шевелились: то ли молитва, то ли расчёт.

Их развели по комнатам. Мерсье и Блэквуд поместили в соседние покои на втором этаже. Окна выходили в узкий внутренний двор с каменным колодцем. На дверях стояли часовые.

* * *

В полночь Мерсье услышал тихий стук в стену.

Три коротких, один длинный. Он вскочил и приложил ухо к камню. Стук повторился: Блэквуд.

Через минуту над его окном что-то скрипнуло. Мерсье поднял голову. С крыши в окно спустилась верёвка, а по ней, как кошка, соскользнула тонкая фигура в бархатном берете.

— Инес!

— Тише! — прошептала она. — Я вышла через кухню.

Никто не ждал, что паж подаст кофе стражникам. Они выпили, теперь спят.

— Что?

— В кофе было немного валерьянки. Финч подсказал. — Она ухмыльнулась. — Идёмте. Все на крыше.

Мерсье выбрался на карниз. Внизу, в темноте, лежал город, и далеко, за последним рядом крыш, мерцала бухта. На крыше уже стояли Блэквуд, де Мело и Финч. Блэквуд сменила платье на камзол и штаны, которые Финч принёс в сумке, и вид у неё был такой, как будто она никогда и не носила ничего другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.